

А. А. Скоропадская
Петрозаводск

DOI:10.15393/j9.art.2011.329

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Христианство — неслучайная тема Пастернака на протяжении всей его жизни. Следует подчеркнуть, что в творческом сознании писателя она ориентирована прежде всего на православие. Как замечает Л. Анненский, «лирика Пастернака вплетается в общехристианскую симфонию настолько естественно и органично, что уже никто не вспоминает, как интеллигентская душа набрела на православие. Почти случайно. Но... чем случайней, тем вернее»¹.

Поэт был хорошо знаком с богослужебными текстами, хотя не посещал службы в храме. По воспоминаниям Е. Крашенинниковой, рассказывающей об отношениях между Пастернаком и его второй женой Зинаидой Нейгауз:

...он читал ей псалмы из Псалтыри и самые поэтические книги из Ветхого Завета, цитировал на память стихиры, тропари и тому подобное из христианского богослужения... Она... видела значительность таких вещей и органическую принадлежность бытию этого мира в Борисе Леонидовиче².

Пастернак был хорошо знаком с Писанием и текстами церковной службы, но редко посещал храм³. Б. Соколов называл Пастернака «христианином вне конфессий»:

© Скоропадская А. А., 2011

¹ Анненский Л. Борис Пастернак: «Я весь мир заставил плакать над красой земли моей» // Российская провинция. 1995. № 1. С. 91.

² Крашенинникова Е. Крупицы о Пастернаке // Новый мир. 1997. № 1. С. 209.

³ Ср. в романе «Доктор Живаго»: «Лара не была религиозна. В обряды не верила. Но иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось,

...для общения с Богом ему не требовалась помощь священника, хотя эстетикой обряда он восхищался»⁴.

В романе «Доктор Живаго» Пастернак не раз обращается к священным текстам. По мнению Ю. Бертнеса, в книге можно выделить два плана: авторский (касается жизни героев) и цитатный (фрагменты заимствованных текстов)⁵. В этом цитатном плане особое место занимает Евангелие от Иоанна. Это Евангелие было написано в I веке на греческом языке. Именно с него начался перевод Священного Писания на славянский язык: в славянской православной традиции оно является не «четвертым», а «первым»⁶. Евангелие от Иоанна значительно отличается от остальных трех (синоптических) Евангелий, и его весьма затруднительно сопоставлять с ними. Причиной тому подход автора к излагаемым событиям. Иоанн за видимыми явлениями усматривает их первопричину. Иными словами, из времени он смотрит в вечность. А отсюда — и смещение приоритетов по сравнению с синоптиками.

Евангелие от Иоанна начинается с тех же слов, что и книга Бытия: «В начале». И это Евангелие — единственная книга из всего библейского канона — раскрывает скры-

чтобы она шла в сопровождении некоторой музыки. Такую музыку нельзя было сочинять для каждого раза самой. Этой музыкой было слово Божие о жизни, и плакать над ним Лара ходила в церковь. <...> В церкви было пусто и гулко. <...> Нерасцвеченное стекло оконницы ничем не скрашивало серого заснеженного переулка и прохожих, которые по нему сновали. У этого окна стоял церковный староста и громко на всю церковь, не обращая внимания на службу, вразумлял какую-то глуховатую юродивую оборванку, и его голос был того же казенного будничного образца, как окно и переулок» (Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989—1992. Т. III. С. 51—52). Далее цитируем по этому изданию с указанием тома — римской и страниц — арабскими цифрами. Курсив в цитатах наш.

Церковная служба описывается буднично, повседневно. Для молящихся посещение церкви — затверженный обряд, смысл которого, кажется, давно потерян. По контрасту дано восприятие Лары, редко бывающей в церкви, но живо внимающей словам молитвы и богослужения.

⁴ Соколов Б. Кто Вы, доктор Живаго? М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 34.

⁵ Бертнес Ю. Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 361.

⁶ Есаулов И. А. Христианские основания русской литературы: соборность // Литературная учеба. 1998. № 1. С. 485.

тое за этими словами. Если Бытие описывает то, что было после «начала», то Евангелие от Иоанна раскрывает содержание Самого Начала, которое здесь мыслится не как некая отправная точка на временной оси, а как Источник и Первопричина всякого начинания.

Во всех религиях мира слово наделяется огромной силой, оно способно изменять мир. Вера древних народов в силу слова привела к возникновению таких форм словесного воздействия, как заговор, заклятье, проклятье и т. д., которые в мифологическом представлении способны были повлиять не только на сознание самого человека, но и на его судьбу. В Ветхом Завете Слово Божие обладает созидательной силой, именно со слова начинается сотворение мира: каждая стадия творения обозначается фразой:

И сказал Бог... (Быт. 1:3, 6, 11).

Итак:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин. 1:1).

Здесь под Словом подразумевается Христос как сошедшая в этот мир во плоти сила Божьего слова. Слово предшествовало творению мира, а значит, оно не относится ко времени, оно вечно. Это представление идет от греческой традиции (повторим, что Евангелие от Иоанна было написано на древнегреческом), согласно которой слово *λόγος* содержит несколько глубинных смыслов. Начиная с Гераклита, утверждавшего, что «все течет, все изменяется», именно *λόγος* помогает человеку обрести истину в хаосе жизни: «...все происходит в соответствии с *логосом*», «*логос* судит истину». Стоики говорили:

Все направляет *логос* Бога. *Логос* — это та сила, которая вносит в мир смысл и порядок вместо хаоса; сила, которая дала движение миру и поддерживает это движение в совершенном порядке⁷.

Логос на русский язык переводится также одним понятием — *слово*.

⁷ Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 56.

Следовательно, для русского сознания, русского мировосприятия само Слово — это ВСЁ, чем живет человек, да и человечество. <...> В Слове русский человек выражал волнующие его вопросы о сути мира. В Слове искал он ответы на свои вечные, «проклятые» вопросы. В Слове же ответы и находил⁸.

Особое внимание *слову*⁹ в романе уделила Е. А. Тахо-Годи в своей статье «“И образ мира, в слове явленный”»: “слово” в романе Пастернака “Доктор Живаго”». Исследовательница подробно рассмотрела языковую структуру романа, считая, что мировоззрение Пастернака проявляется, прежде всего, в *слове*. Признаком разрушения старого уклада жизни становится изменяющийся язык, который теряет свою связь с окружающим вещным миром и начинает жить сам по себе: в революционной России «прежняя живая связь вещи и имени утрачивается, слова превращаются в фикцию, теряют свою овестьственность, слова обозначают несуществующие вещи»¹⁰. И все же, говоря (уже) на разных языках, Живаго и противостоящие ему революционеры понимают силу слова, способного изменять мир.

Воздействовать на время словом, «заговорить» его пытаются как большевики, так и сам герой. Первые пытаются остановить ход истории, вернуть человечество к ветхозаветным временам, предпочитают отказаться от личности во имя народа. Живаго, которому дорога личность, напротив, в своих стихах пытается словом воскресить времена евангельские¹¹.

⁸ Переверзенцев С. В. Россия. Великая судьба. М., 2006. С. 698.

⁹ Следуя интересующей нас параллели Пастернак — Вергилий, хотелось бы отметить, что Вергилий одним из первых в римской литературе особое значение придавал словесному оформлению своих произведений, и особенно это отразилось в «Энеиде». Как отмечает исследователь В. Топоров, «читая Энеиду, легко забывается, что в Энеевы времена разные персонажи, в ней изображенные, говорили на разных языках... Логика художественного текста приводит к идее единого языкового пространства... Ситуация сосуществующей языковой “разноединности” способствует развитию “этимологической” одаренности и отбору чутких к “этимологии” и изощренных открывателей “последней” сути слова» (Топоров В. Н. Эней — человек судьбы. М.: РАДИКС, 1993. С. 70–72).

¹⁰ Тахо-Годи Е. А. «И образ мира, в слове явленный»: «слово» в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Философский журнал «Логос». 1999. № 3. С. 92.

¹¹ Там же. С. 103.

Таким образом, поляризация интересов государства, с одной стороны, и человеческой личности — с другой, происходит на всех уровнях романа, включая и его словесную структуру.

Христианство во многом объясняет отношение Пастернака к природе. Для его творчества характерна емкость образов, и поэтому природа в романе — это не просто пейзаж, зарисовка, фон человеческой жизни, а огромная картина бытия.

Природа — тема, пронизывающая все творчество поэта, его отношение к природе совмещает в себе мифологическое, философское и христианское, притом что сам Пастернак в позднем творчестве сознательно принимает христианскую традицию. Д. Быков так обозначает главный вектор пастернаковского движения:

...от природы к истории, от доисторического и даже дочеловеческого мира — через неизбежный период язычества... в сторону христианства¹².

Для писателя особый интерес в христианстве представляли идея соборности и идея личности. Авторское понимание этих основных христианских понятий базируется на функционировании в рамках художественного пространства природных образов, особенно яркой с этой точки зрения представляется образная оппозиция *лес/сад*. Лес и сад воплощают в себе как идею соборности («соборный» — значит, собранный из множества в единство, единый во множестве, всеединый¹³), так и идею личности, представляя собой органическое множество отдельных деревьев. Деревья являются связующей нитью между небом и землей:

...они смиренные в своем союзе с землей и упорные в своем влечении к небу, наставляют людей в этом редкостном сочетании кротости и отваги, послушничества и дерзания. Сопряжение этих свойств — залог всеединства, сочетание неба и земли в крепко спаянную и гармонически звучащую сферу¹⁴.

¹² Быков Д. Борис Пастернак. М.: Мол. гвардия, 2006. С. 92.

¹³ Христианство: Словарь. М., 1994. С. 438—439.

¹⁴ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 46.

Как отмечает исследователь русского символизма Аге А. Хансен-Лёве, который подробно проанализировал все мифопоэтические мотивы, использованные поэтами-символистами, «архетип *arbor mundi* связывает по вертикали земной мир с небесной, космической сферой и — по оси времени — сцену в Эдеме, происходившую в начале времен (райское дерево, древо познания, древо жизни), с жертвенной символикой крестного дерева и с пророческой, апокалиптической ролью дерева в конце времен»¹⁵. Интересно, что в древнерусском языке подобное значение символа дерева сохранилось на лексическом уровне. По данным словаря литургических символов, первое значение слова «дерево» — «крест как орудие казни», далее следует определение:

Древо познания — прообраз Креста. Оно находилось «посреди рая», подобно тому, как крест Христов — центр нового духовного рая¹⁶.

Практически то же в церковнославянском языке: древо — это 1) дерево, 2) что-либо, сделанное из дерева, 3) крест. Согласно материалам к церковнославяно-русскому словарю, последнее значение снабжается следующим примером:

...посреди Эдема дерево дало цвет — смерть, и посреди всей земли Древо (Крестное) произрастило жизнь¹⁷.

Подобную связь мы видим в стихотворении «Магдалина II»:

Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда твои стопы, Иус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус

¹⁵ Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003. С. 624.

¹⁶ Кравецкий О. А. Опыт словаря литургических символов // Славяноведение. 1995. № 4. С. 101.

¹⁷ Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005. С. 115.

И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готова к погребенью.

Таким образом, Пастернак сближает образ дерева с образом-символом креста, на котором был распят Христос¹⁸. Примечательно и то, что сближение это происходит через женский образ — Магдалину: она сравнивает себя с древесным побегом, обнажая ассоциативную связь между фигурой Христа и образом дерева. Н. Фатеева справедливо увидела в этом соединении не только мужского и женского, но и божественного и земного начал¹⁹, восходящее к библейскому понятию ветви:

Я есмь лоза, а вы ветви; Кто пребывает во мне, и я в нем, тот приносит много плода (Ин. 15:5)²⁰.

Образом сада обозначаются основные вехи библейской истории: это Эдемский сад в Ветхом Завете и Гефсиманский сад — в Новом.

Во времена Нового Завета сады также могли играть роль кладбищ (здесь прослеживается влияние языческой традиции, «населяющей» деревья душами умерших людей): считалось, что после смерти тело человека остается в саду земном, а душа попадает в сад небесный, то есть рай. Так, Иисус был похоронен в саду (ἐν τῷ κήπῳ). Об этом говорится только в Евангелии от Иоана:

На том месте, где он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко (Ин. 19:41)²¹.

¹⁸ Подобный мотив находим в лирике Н. Клюева. См., например: Шокальский Е. «Распяться на древе — с Тобою, в Тебе...». Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву: Материалы международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. С. 119—132.

¹⁹ Фатеева Н. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 166.

²⁰ ἐγὼ εἶμι ἡ ἄμπελος, ὑμεῖς τὰ κλήματα. ὁ μένων ἐν ἐμοὶ καὶ ἐν αὐτῷ οὗτος φέρει καρπὸν πολὺν (Греческий текст цит. по: Novum Testamentum Graece. Stuttgart, 1979).

²¹ ἦν δὲ τῷ τόπῳ ὅπου ἐσταυρώθη κήπος, καὶ ἐν τῷ κήπῳ μνημεῖον καινὸν ἐν ᾧ οὐδέτις οὐδεὶς ἦν τεθειμένος.

Для Пастернака соборность являлась одной из важнейших категорий не только в отношении религии, но и в отношении его мировосприятия. Гармония человека и вселенной, человека и природы, их единение, слияние — вот к чему стремится Юрий Живаго. Герои романа, а вместе с ними и автор, пытаются самоопределиваться в мире, и этот процесс происходит через ощущение связи всех явлений и событий природы и истории.

Для Пастернака в мире все глубоко взаимосвязано тончайшими, но очень прочными нитями. Этим ощущением буквально дышит роман. <...> Все в мире едино и когда человека ощущает это единство, он обретает минуты счастья²².

Любовь — вот то чувство, которое помогает человеку понять свою причастность к миру, потому что мир есть любовь. Вот как в романе описывается чувство любви Живаго и Лары:

Они любили друг друга не из неизбежности, не «опаленные страстью», как это ложно изображают. Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья... Никогда, никогда, даже в минуты самого дарственного, беспамятного счастья, не покидало их самое высокое и захватывающее: наслаждение *общей лепкой мира*, чувство отнесенности их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной (III, 494).

Любовь²³ — основа Нового Завета. Любовь и Бог тождественны:

И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1Ин. 4:16).

²² Дубровина И. М. С верой в мировую гармонию: образная система романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 1. С. 58.

²³ В греческом языке есть три слова, обозначающих любовь: 1) ἐρὸς — чувственная, плотская любовь; 2) φιλία — привязанность, дружба, склонность; 3) ἀγάπη — любовь в ее высшем проявлении, духовная любовь. И если первые два слова употребляются в связи со сферой человеческой жизни, то последнее, ἀγάπη, обозначает божественную любовь, Любовь Бога к человеку и человека к Богу.

Движимый любовью, Бог послал на землю своего сына, дабы искупить грехи человеческие. Одна из основных заповедей связана с любовью: чистая, беззаветная любовь мужчины и женщины²⁴ для Пастернака окружена ореолом святости. Библейский образ Магдалины волнует его настолько, что ей посвящены сразу два стихотворения из тетради Юрия Живаго («Магдалина I» и «Магдалина II» идут друг за другом). Образ Магдалины интересен своей причастностью к последним дням земной жизни Христа²⁵: после того как Иисус изгнал из нее бесов, она стала самой верной его ученицей и следовала за ним до конца, до самого крестного распятия. Именно ей явился Иисус после своего воскресения. И об этом явлении рассказывается только в Евангелии от Иоанна:

А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввун! — что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20:11—17).

Отношения Иисуса и Магдалины представляют собой чистую любовь, благодаря которой возможно преодоление смерти. В уста Магдалины вкладывает Пастернак строчки:

²⁴ Любовь — объединяющее начало и в древнегреческой философии. Так, например, в диалоге Платона «Пир», к которому Пастернак не раз обращался в своем творчестве, излагается ставшая позже популярной теория любви как поиск людьми своей половинки.

²⁵ Значительность фигуры Магдалины служит предметом для размышлений о смысле жизни и воскресения, которые Пастернак вложил в уста Симушки Тунцовой: «Меня всегда занимало, отчего упоминание о Магдалине помещают в самый канун Пасхи, на пороге Христовой кончины и его воскресения. Я не знаю причины, но напоминание о том, что такое есть жизнь, так своевременно в миг прощания с нею и в преддверии ее возвращения» (III, 408).

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.

Трое суток без Христа — самые страшные дни, когда умер старый мир, но новый еще не родился. Именно через этот временной промежуток нужно пройти, чтобы очиститься и быть готовым к Новому, новому миру, сияющим любовью Христа. М. Бударгин, анализируя стихотворение «Магдалина II», замечает, что «дорости до Воскресенья — значит прежде всего понять и принять Христа и только потом воскреснуть духовно. Духовное воскресение и “противление смерти” совсем не тождественные понятия. Физически герои Пастернака, конечно же, не бессмертны, а бессмертие Души — непреложный христианский догмат»²⁶. Любовь становится тем путем, который ведет к бессмертию, к торжеству жизни, а это возможно только при безусловном и полном следовании ее законам.

Любовь позволяет дорости до Воскресения Христа и приблизиться к Нему на расстояние вытянутой руки не только Магдалине, но и Юрию Живаго как автору строк о Магдалине, и Борису Пастернаку как автору романа о Живаго²⁷.

Идиллические настроения доктора противопоставлены радикальным, утопичным стремлениям революционеров переделать мир, разрушив все, что было создано тысячами летями. Пастернак вступает в скрытую полемику со многими мыслителями, авторами утопий. Для него остаются неприемлемыми бездушные, механические требования к устройству новой жизни. Пастернак в романе «подтверждает несомненность духовного приоритета жизни, преисполненной благодати, над формальным ее переустройством... Юрий Живаго “побежден”²⁸ в “здесьней”, земной

²⁶ Бударгин М. История и любовь («Магдалина (II)» в контексте романа «Доктор Живаго») // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 248.

²⁷ Там же. С. 250.

²⁸ Имеются в виду строчки из стихотворения «Рассвет»:

Со мною люди без имен,
Дерева, дети, домоседы,
Я всеми ими побежден,
И только в том моя победа.

жизни, но его "победа" относится к иному измерению, как и победа Христа над смертью»²⁹.

В глазах близких и друзей Живаго терпит душевный крах, но на самом деле в своем кажущемся падении он духовно растет, и, чтобы показать это, Пастернак использует природные образы, восходящие к образу сада. Так, в картине похорон Живаго значим образ цветов³⁰:

...В эти часы, когда незаполненность общего молчания ничем важным и торжественным и никакою церемонией давила почти ощутимым лишением, *одни цветы были заменой недостающего пения и отсутствующего обряда.*

Они не только цвели и благоухали, но как бы хором, может быть, ускоряя этим тление, источали свой запах, оделяли всех своей пахучей душистой силой, теснились вокруг гроба, как будто что-то совершали.

Царство растений так легко себе представить ближайшим соседством царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбищ, среди вышедших из гряд цветочных всходов, может быть блуждают наши чаяния воскресения мертвых и жизни будущего века. Вышедшего из гроба *Иисуса* Мария не узнала в первую минуту и приняла за другого. Ей представлялось, что это вышедший из питомника при погосте *садовник*. Как естественно вообразимы этот выход из-за гущи кустов и деревьев, и кратковременность нечаянной встречи на ходу, с предостерегающим: «Не прикасайся ко мне, Мария...» (III, 618).

Здесь соседствуют жизнь и смерть: живые цветы и мертвый человек³¹; но своим благоуханием цветы побеждают

²⁹ Кондратьев А. С. Духовная традиция и ее деформация // Москва. 2004. № 2. С. 212.

³⁰ Последний, кого видит Живаго перед своей смертью, — госпожа Флери (фр. fleur — цветок), на шляпе которой были ромашки и васильки.

³¹ Ср. стихи, написанные А. Ахматовой на смерть Пастернака:

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
*И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.*
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

запах смерти, провозглашая торжество жизни. Цветы заменяют недостающий обряд отпевания и погребения, совершения церковных таинств. Они становятся проводниками Живаго через тайну смерти в вечную жизнь, и возникший образ Иисуса Христа служит тому подтверждением. Ларе, сидящей у гроба Живаго, приходят на память евангельские строки о воскресении Иисуса, что символизирует воскресение самого доктора. Обратим внимание, что Мария принимает воскресшего Иисуса за садовника, ухаживающего за питомником при погосте. Пастернак, используя этот евангельский сюжет, в очередной раз подчеркивает близость Христа окружающему миру, природе. Если Спаситель — садовник, то мир, который он спасает, — сад. Сад, выращенный Живаго в душе, остался цвести и благоухать после его смерти в стихах. Именно сад становится одним из ключевых и заключительных образов романа, являясь смысловым центром последнего из тетради доктора стихотворения «Гефсиманский сад», в котором рассказывается о молитве Иисуса в Гефсиманском саду.

В Гефсиманском саду принято божественное решение, найден путь в вечную жизнь. Ю. Бертнес считает, что «страх смерти преодолевается верой в вечную жизнь»³². Тема воскресения кульминационно звучит в последнем четверостишье:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Воскресение — победа жизни над смертью — волновало Пастернака больше всего. Жизнь во всех ее проявлениях — главный предмет его творческих и философских исканий.

Мотив Воскрешения Христова присутствует практически во всех стихотворениях романа с христианской символикой, но в этом тексте он достигает своей кульминации. Поэтому не только «Гефсиманский сад», но и весь роман «Доктор Живаго» завершается победой Христа над смертью и опти-

³² Бертнес Ю. Указ. соч. С. 373.

мистической верой Пастернака в будущее единение всех во Христе³³.

Образ сада становится одним из главных объяснений жизненных процессов и символом слова «жизнь» вообще. Культурные ассоциации, навеваемые этим символом, можно интерпретировать во многих значениях: сад-творчество, сад-вечность, сад-жизнь. Эти ассоциации, «аккумулируя различные концептуальные смыслы, становятся источником возникновения индивидуально-авторских значений символа. Сад предстает как временной контрапункт, средоточие истории в определенный момент жизни всего человечества»³⁴. Таким образом, сад становится символом священной истории, тем местом, где человечество, благодаря жертвенности Христа, обрело новую духовную жизнь.

---

³³ *Птицын И. А.* Апокалиптическая символика в стихотворении Б. Пастернака «Гефсиманский сад» // Традиции в контексте русской культуры. Вып. IX. Череповец, 2004. С. 164.

³⁴ *Чумак О. С.* Концепт *жизнь* в поэтических текстах романа «Доктор Живаго» как отражение нравственного идеала Б. Л. Пастернака // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 214.